

ИСТОЧНИК

Переписка между Лейбницем, Боссюэ и их корреспондентами по поводу возможного объединения католической и немецких протестантских церквей¹

Предлагаемая вниманию читателя переписка Лейбница и Боссюэ о возможном воссоединении церквей, продолжавшаяся целое десятилетие (1691–1701 гг.), происходила в период перехода от рационализма XVII в. к просветительскому универсализму. Она, на мой взгляд, характеризует один из важных рубежей становления новоевропейского историзма прежде всего как способа интерпретации духовных событий. Лейбниц ставит вопрос об устаревшем, пережиточном характере прежних разногласий XVI в. перед лицом новых реалии. Но Боссюэ не поддержал этот мотив, предпочтя не выходить за рамки тридентского католицизма².

В этой связи возникает вопрос о политических мотивах такой позиции в связи с актуальной политикой конца XVII в. Конечно, важно проследить вплетение религиозной мысли Лейбница в политику. Основной идеей здесь было использование взаимодействия между ветвями христианства как стимула для политического диалога между державами и наоборот – политических соглашений для религиозного примирения. Каково вообще было отношение Лейбница к политике? Он полагал, что со своих позиций может выбрать наилучший вариант и в то же время поможет государям выявить мироустроительность их намерений. Философски Лейбниц исходил из мысли, сформулированной Лютером, что предметный характер обращения к богословию, сформировавшийся как итог полуторатысячелетнего развития Церкви, изначально был искажен³. На этом он основывал и свою политическую деятельность, включая ее в свое представление об устройстве мира. При этом Лейбниц полагал, что его взгляд может охватить и становление, и результат политическо-

го действия, что даст ему возможность предусмотреть и рекомендовать оптимальный момент для осуществления любого политического замысла государей, политика которых есть, по сути, конкретизация линий, возникших в эпоху Возрождения. Поэтому он полагал, что, определенным образом направив данное действие, сможет повлиять и на европейский концерт в целом. В этой связи можно поставить вопрос, был ли Лейбниц политиком в собственном смысле этого слова, то есть можно ли проследить собственно политическую линию в его философских и религиозных занятиях. Во всяком случае, политическая составляющая была важным инструментом для Лейбница в преодолении религиозных разногласий. Что же касается Боссюэ, то он использовал видимость (фасад) светской секуляризации во Франции, произошедшей в течение предыдущего столетия, стремясь при этом сохранить основы католического мироустройства, насчитывающие полтора тысячелетия.

Главным предметом обсуждения и спора между ними стали решения Тридентского собора, которые Лейбниц считает мотивированными интересами текущей политической тактики папского двора. Боссюэ же полагал, что отстаиваемая им политика необходима для утверждения в условиях конца XVII в. основ католического *credo*. Данный проект Лейбница состоял в подготовке нового вселенского собора, для того чтобы он мог пересмотреть решения Тридентского собора 1545–1560 гг., неприемлемые для протестантов. Он справедливо полагал, что этот вопрос назрел уже тогда. Но конкретные персонажи его плана оказались к этому не готовы; только сейчас решающее сближение католиков с протестантами встало в повестку дня (показательно недавнее снятие Бенедиктом XVI анафемы с Лютера). Он полагал, что Людовик XIV, если узнает об этом проекте, поддержит его, надеялся, что Боссюэ, будучи доверенным лицом короля, этому поспособствует. Однако его надежды не оправдались, поскольку собственная линия последнего подразумевала латентную включенность политической деятельности в перфекционизм его церковной политики, ставящей своей задачей сохранение основ католицизма во Франции⁴.

И. Лейбниц – мадам Бриньон Ганновер, июль 1691

Мадам, это прекрасно, что Вы сочли мое письмо заслуживающим прочтения; но будет еще лучше, если Вы покажете его аббатисе. Я опасаясь, что ум достойной герцогини не допускает ни малейшей возможности критически отнестись к написанному мною; и если и Вы воспримете эту ее манеру, то моя задача станет еще труднее.

Сама госпожа герцогиня, внимательно прочитав письмо, которым Вы меня удостоили, заметила с обычной для нее пронизательностью, что эти мысли напоминают ей размышления ее покойной матушки, которыми она обменялась с покойной княгиней Палатината; а возникли они у нее, если я не ошибаюсь, когда она слушала надгробную проповедь месье Флешье⁵. Очевидно, что все сердца были раскрыты навстречу ей, и его слова убеждали; впрочем, человеку присущи разные состояния, и не всегда мы можем объяснить одно из другого. И здесь я, возможно, апеллирую к тому состоянию, ранее не высказанному Вами прямо, которое теперь уже отошло в прошлое; ведь зачастую наилучшие доказательства остаются в тени, а то, что сразу приходит на ум, не всегда убедительно.

Мадам, Вы помните, что я всегда взвешенно и даже с симпатией относился к католикам; мое сердце и сейчас открыто им; я никогда не считал их еретиками – слава Богу, никто не может меня в этом упрекнуть. Ведь дело католичества не ведется исключительно Римским престолом; напротив, отлученные им от Церкви зачастую и есть самые настоящие католики. Настоящая связь, которая соединяет нас с телом Иисуса, – это милосердие. То, что ввергает нас в раскол из-за наших прегрешений, происходит от недостатка терпимости друг к другу; он и не дает милосердию достаточно проявиться; что же касается связей с внешним миром, то тут католики на высоте, и в этом смысле их принципы общения везде применимы. Позвольте мне, мадам, питать надежду, что я не упущу любой возможности способствовать интересам истинной веры; я далек от того, чтобы прямо рекомендовать другим тот путь к спасению, который сам для себя полагаю истинным; кроме того, я пытаюсь приблизить момент, когда в суждениях о религии наступит необходимый баланс, в результате которого возможно будет после-

довательно рассмотреть каждую из цепей доказательств, приводимых в пользу противоположных позиций – *за* или *против* того или иного религиозного суждения, и при этом сопоставление мнений не будет переходить в личные обвинения. Что касается меня, я не склонен отступать от поисков истины ради подвернувшегося внезапно удачного хода мысли; в то же время по отношению к самому себе я достаточно уверен в благотворной стезе Провидения, чтобы не опасаться, что чистосердечность моего суждения будет затронута моими собственными переживаниями. Но я совершил бы ложный шаг, если бы возгордился этим; в моей приверженности добродетели нет кичливой гордости за тот способ веры, который я выбрал по доброй воле.

Кроме того, мадам, я следую желанию принца, чтобы богословы этой страны передали свои надежды на то, чтобы найти средство преодоления раскола между церквями его преосвященству епископу Нойштадта, который ознакомит с ними императора и папу. Этот епископ вообще очень обязательный, и даже в Риме о нем говорят с восхищением. Я со своей стороны горячо поддерживаю его утверждение, что мы несколько не виноваты в этом прискорбном расколе: мы сделали уже все, что в наших силах, чтобы, выявив расхождения в позициях, попытаться их смягчить.

Мадам, насколько я знаю, Вы уже в курсе всех этих дел. Как Вы думаете, что можем еще предпринять в этом направлении? Германские церкви, в отличие от французской, отнюдь не обязаны искать одобрения каждого своего шага за Альпами. Если Франция продолжает игнорировать истину, признавая непогрешимость Рима, то немецкие епископы собираются периодически и пытаются договориться по спорным вопросам, но при самых благоприятных обстоятельствах это еще очень далеко от Вселенского собора.

Поскольку образцовым полагается порядок, установленный на Тридентском соборе, то не нужно никаких новых авторитетов и никакого нового порядка организации. И если действительно пойти по этому пути и дать возможность осуществиться замыслу, который уже широко обсуждается: объявить собрание епископов одной страны вселенским собором, то это приведет лишь к недоумению, поскольку сразу заставит усомниться, что в данном случае присутствует воля Божья. Я уже писал мадам Пелиссон, от которой до того слышал, что во Франции далеко не все полагают

Триденский собор всемирным; в Германии его не признает таковым также архиепископ Майнцский. Мы в Германии стремимся уберечь свободу церкви от косной неспособности пап к любому изменению, а ваша церковь, наиболее влиятельная, подвергается, как я полагаю, настоящему насилию; но как раз она, как мне представляется, должна дать образец настоящего католицизма, свободного от ультрамонтанских преувеличений, что подразумевает дифференцированный подход к решениям Триденского собора; разумеется, это не означает коренного изменения позитивного отношения к нему на отрицательное. В конечном счете это должно установить желанный мир между церквями, преодолевающий уже совершенные злоупотребления; иным способом было бы затруднительно осуществить их желанное объединение. Если уж говорить об этом, то лучшим способом здесь было бы их индивидуальное участие; наши и их богословы могли бы предварительно обменяться мнениями по главным вопросам и вынести те из них, в которых не удалось достичь согласия, на суд собора. Насколько я помню, именно такой способ практиковался сторонниками Рима при подготовке прошлых соборов, и я использую этот прецедент.

Прилагаю к этому известную доверенность императора, выданную епископу Нойштадта⁶, о котором я уже упоминал; он согласен с подтверждением гарантий прав протестантов в его наследственных (габсбургских – В.Л.) землях, сведенных воедино теологами Брауншвейга; с их выводами Нойштадтский епископ недавно также согласился. Итак, я желаю успехов и славы Риму на этом поприще и заранее приветствую ту важную роль, которую здесь может сыграть Франция; она не впервые посредничает между разными странами, в том числе Италией и Германией; если французский король действительно способен осуществить это большое дело, ему и карты в руки. Поскольку, как мне известно, наиболее значительное лицо в этой области – епископ Мо (то есть Боссюэ. – В.Л.), то, может быть (с его помощью), удастся осуществить то, что не удалось на протяжении уходящего века. На Ваше благосклонное усмотрение, мадам, если удастся в удобный момент и в удобной обстановке поставить его в известность об этом, Вы бы очень помогли бы успеху этого дела. С уважением, остаюсь и пр.

Лейбниц

III. Боссюэ – мадам Бриньон 29 сентября 1691

Мадам, я не припоминаю, чтобы герцогиня Ганноверская оказала мне честь, послав мне статьи, собранные епископом Нойштадта⁷; поскольку мне трудно припомнить здесь все обстоятельства и восстановить цепь событий, то думаю, что я куда-то забросил эту бумагу, и она затерялась так, что я не могу ее найти; поэтому идеальным выходом здесь было бы, если бы Вы попросили Вашу повелительницу, чтобы она соблаговолила изложить мне суть дела еще раз. Доводы, которых от него можно было бы ожидать, особенно относительно того, как сделать первый шаг к объединению, могли бы быть бесполезными. Попытки этого рода в любом случае сугубо предварительны и далеко не всегда ведут к желаемым изменениям. Но, чтобы заранее не похоронить этот проект еще до начала его осуществления, необходимо заранее предупредить еще до начала самих переговоров – во избежание дальнейших недоразумений – о тех некоторых положениях, от которых католическая церковь не готова отказаться в любом случае, и особенно это относится к тем решениям, которые были приняты в Триденте.

Месье Лейбниц неоднократно утверждает, что эти решения не поддерживаются во Франции. Но это верно только для отдельных предметов, относительно которых церковь допускает определенные разночтения. В основной же доктрине представлений о Боге, достаточно проработанной во всех частностях, сейчас и уже давно ничего не меняется, и Тридентский собор, по сути, ничего не изменил здесь, в том числе и во Франции. Во всяком случае незаметно, чтобы император или, с другой стороны, король Франции в своих усилиях по реформе Церкви стремились, даже конкурируя друг с другом, к пересмотру этих основных догматов; речь идет только о лучшем применении на практике, о том, чтобы усовершенствовать их форму для более ясного их восприятия. Среди них были и предложения о реформе, которые обсуждались в Триденте, но, сами по себе превосходные, они тогда были сочтены несвоевременными. Об этом многое можно сказать, но кратко трудно изложить даже основные моменты.

Что касается путешествия к монахиням Горного Ливана, которое герцогиня Ганноверская полагает одним из путей установления взаимопонимания с Греческой церковью, то я не жду от этого никаких новых открытий. Действительно, Горный Ливан был занят маронитами, которые давно связаны с нами и в целом разделяют нашу доктрину. В то же время нельзя утверждать, что они тотчас могут войти в нее организационно; для этого им нужно произвести определенные изменения в их обрядах, может быть, отойти от их излишней строгости. Что же касается Греческой церкви, то для нее в силу конкретных причин просто удобно в данный момент разрешать женитьбу приходских священников, и не это является основным нашим с нею расхождением: ведь при этом епископ и у них обязан постричься в монахи, коль скоро он избрал путь служения Господу; не является препятствием также и различие в использовании хлеба в обряде *евхаристии*: они также признают законными оба хлеба – дрожжевой и пресный, и первый, безусловно, древнее. Но дальнейшему сближению мешают догматические расхождения, разделяющие наши доктрины; это хорошо показали Лионский и Флорентийский соборы: среди них, прежде всего, способ воплощения Святого духа, отношения Бога-отца и Бога-сына, воззвание к мертвым, представление о способах очищения души на небе и о постоянстве главенства папы, воспринявшего свою миссию от св. Петра. Это и есть, мадам, четыре положения, которые Греческая церковь оставляет связанными воедино, в то время как мы их разделяем. И объединение церквей не может произойти без четкого осознания наших различий и их последовательного преодоления. На Востоке повсеместно придерживаются старых обрядов, в то время как на Западе их полагают необязательными. Но в то время как Восточная церковь не всегда принимает те отдаленные от нее практики обрядов, которые еще где-то остаются, Западная церковь отвергает утверждение, что новоявленные секты, недавно возникшие, воспроизводят ее основной путь, продолжая ее законное дело. Отсюда понятно, почему мы не думаем, что лютеране и кальвинисты имеют основания изменить характер обрядов; на наш взгляд, это может совершить только глава церкви. Без этого соподчинения церковь превращается в нечто чудовищное, где каждый волен творить все, что ему угодно, нарушая тем самым ее изначальную гармонию.

Я хотел бы привести два принципиальных положения, которые лютеране, на мой взгляд, считают для себя важными; именно то, что папа и Тридентский собор отклонили, они настойчиво пытаются утвердить на последних соборах, произошедших недавно в Германии. И это как раз тот случай, когда «инициатива наказуема». Конечно, можно говорить и договариваться о том или ином толковании отдельных догм, и это может быть полезным, как мне представляется, в том ключе, как это делает епископ Нойштадтский. Но зря было бы надеяться на то, что возможно произвести какое-либо изменение в соотношении основных догм, не затронув при этом основ, на которых зиждется церковь; это было бы возможно, только поставив под вопрос главные основы религии. Я надеюсь, что месье Лейбниц представит мне суть этих новых предложений и возьмет на себя труд оценить также мой последний памфлет против министра Жюрье, который я Вам также посылаю. Кстати, я обнаружил в письме герцогини Ганноверской, которая послала в Целле мой ответ министру и на который госпожа княгиня Целлиаская еще не ответила. Можно ли это расценить как намеренное пренебрежение, ведь ответа нет уже на шестое мое обращение?

Таковы, мадам, те объяснения, которые я могу дать на письмо герцогини Ганноверской, суть которого представила мне мадам Мобиссон. Ей вернее судить, стоит ли посылавать это мое письмо в Германию.

Что касается остальных проблем, которые поднимает в своем письме Лейбниц, если судить о них по письму мадам Пелиссон, то я пока не могу ответить ему ничего определенного. К этому я ничего не могу прибавить, кроме заверений в моем величайшем почтении к госпоже правительнице Ганновера, которое я уже выразил ранее через посредство госпожи Мобиссон; духовно я весьма к ней расположен. Итак, мадам, остаюсь Вашим покорным слугой и пр.

Ж. Бенинь, епископ Мо

IV. Лейбниц – мадам Бриньон

29 сентября 1691

Мадам, в моем обращении через ваше любезное посредничество к епископу Мо по поводу инициативы епископа Нойштадта⁸ я не упомянул о подобной же инициативе аббата Молануса, главного богослова этого государства, который, собственно, и затеял все это многообещающее начинание. Я уже переслал это сочинение епископу Мо⁹, и я пока не могу свести воедино мои впечатления: моя усталость не дала мне шанса выбрать между позициями этих двух выдающихся мужей, каждый из которых достиг много в своей профессии. Осмелюсь Вас просить, мадам, простить мне мою настойчивость, которая не может быть оправдана ничем, кроме моих истинных намерений, я позволю себе несколько замечаний относительно превосходного письма епископа Мо, с которым Вы меня любезно ознакомили; со своей стороны я должен со всей почтительностью ответить на ряд замечаний, которые сделал сей красноречивый прелат относительно высказанного мною. Господин епископ Мо утверждает: «I. Что проект, представленный епископом Нойштадтским по меньшей мере недостаточен. II. Что он затрагивает положения, которые уже ранее обсуждались. III. Что Рим не отвергает в принципе идею контактов между церквями с перспективой их дальнейшего воссоединения и надежда здесь еще не потеряна. IV. Что доктрина, принятая на Тридентском соборе, в целом разделяется всеми католиками Франции. V. Что католики разделяют усилия протестантов в разработке религиозных предметов, и в этом смысле некоторые предложения епископа Нойштадского могут быть использованы». Это те моменты из его письма, которые я полностью разделяю. Но при этом все же остается одна проблема: правильно ли я понял, что, по его мнению, протестанты имеют право изменять обычаи и нравы Западной церкви? (Каким образом они это могут сделать, я пока не обсуждаю.)

Итак, относительно вышеперечисленных пяти положений, о которых говорил и епископ Нойштадский, мы не расходимся в логике, но, возможно, только в чувствах; что касается третьего пункта, то как можно говорить о неосуществимости этого про-

екта, не зная его сути; епископ Нойштадтский так же, как и аббат Моланус, – университетские теологи и составляли его без оглядки на правителей.

Собственно, можно много говорить о том, каковы его предпосылки; как возможно в этой связи достичь понимания между людьми, которые хоть сколько-нибудь верят в силу разума, если они не хотят отказаться от своих принципов, и что здесь оригинального, что выделяет данный проект. Относительно первого пункта я вполне с ним согласен; его нельзя рассматривать как исходный рубеж для переговоров: почти каждый его пункт нуждается в уточнениях. Второй и пятый пункты зависят от того, что выйдет из этих переговоров. Я вполне согласен и с его четвертым положением, но это отнюдь не противоречит тому, что я имел в виду. Если многие во французском королевстве поддерживают решения Тридентского собора, это еще не может быть понято в пользу его окончательного одобрения или в подтверждение того, что часть французов отказалась от своих возражений и признала истинность этих решений для всего мира. Я, конечно, не утверждаю, что король должен вынести решение этого вопроса на утверждение Генеральных штатов, где представлены все три сословия; при этом я склонен думать, что и эта декларация будет проигнорирована католиками Германии. Об этом может лучше судить епископ Нойштадтский, который взялся выразить мнение всех протестантов и остальных, которые полагают решения Тридентского собора обязательными для всех; также достойна похвалы умеренность позиции епископа Мо и, наконец, взгляд на этот вопрос самого Рима. Повторяю, в этих различиях лучше разбирается епископ Нойштадтский. Я усматриваю большую полезность его сочинения¹⁰, в котором представлены все возможные уровни обсуждения и полемика между различными позициями.

Но, если обратиться к дискуссионным вопросам, то особенно важна, по-моему, проблема превращения транссубстанциальности. Вопрос заключается в следующем: если после всех дискуссий определенная точка зрения признается истинной, а остальные элиминируются, то возникает возможность для возобновления межцерковного диалога; я говорю о возможности *как таковой*, настоящей возможности, без взаимной проверки, кто на что надеется в результате.

Итак, необходимо установить, преодолим ли раскол, совмещением трех основными позиций: 1) возможна ли женитьба священников и применение в богослужении национальных языков; 2) сопоставление разных способов веры, о которых писал епископ Мо, с наиболее выдержанными и умеренными взглядами протестантов, которые уже привыкли сопоставлять свой взгляд на Бога с критерием истинности и не полагают таковыми только собственные переживания на этот счет для других, но и не обязательно осуждают их; 3) и, наконец, урегулировать те скандалы и недоразумения, которые благоверные и мудрые люди в самой Римской курии уже разрешили. То пространство, в котором одни взаимодействуют с другими, связано с привычными для них обычаями – теми, которые воспроизводят внутрицерковную иерархию. И это различие во мнениях относительно отдельных статей столь же мало мешает общему пониманию, как и расхождения в трактовке благодати, ситуативной морали уместности (в каждом отдельном случае) проявления любви к Богу и других аспектах, в которых позиции Рима и французского клира в целом продолжают оставаться весьма различными, что выражено, например, в известных *Четырех положениях* о месте духовенства в жизни французской нации, которое могли помешать их взаимопониманию даже внутри формально единой католической конфессии – на уровне тех доводов «за» и «против», которые в свое время обсуждались в полемике между Римом и Аугсбургом. Это именно те вопросы, которые церкви должны обсуждать на новом вселенском соборе, но в тех формах, которые уже освоены национальными церквями; поэтому они должны быть одобрены всеми прелатами, епископом и Его Святейшеством папой.

Подобная же попытка была предпринята епископом Нойштадтским и несколькими теологами Аугсбургского (лютеранского) вероисповедания, собравшимися в Ганновере под эгидой светлейшего герцога, чтобы обсудить эти вопросы справедливо и беспристрастно; но, конечно, не исключено, что они в процессе своего обсуждения могли пренебречь интересами одной из сторон и их обоснования своей веры были не вполне таковыми. Они излишне рьяно, за некоторыми исключениями, защищают право на собственное суждение, особенно относительно конкретных высказываний, в которых представители Римской церкви говорят об их безусловных, по их мнению, заблуждениях.

Епископ Нойштадтский со своей стороны, взяв на себя составление положительного обобщения этой дискуссии, получил от почтенных богословов разрозненные ответы; но в целом они были близки его настроениям. Все их в целом я отношу к *положительному* разуму: можно ошибаться в конкретных вопросах веры, не становясь при этом ни раскольником, ни еретиком и имея при этом в виду, что и в католической церкви имеется различие позиций, которые в итоге не подрывают ее единства, а именно, то, что Бог дал этой церкви особые права, еще не означает, что ее взгляд на спасение – единственно возможный. И, если этот вопрос может решить только Вселенский собор, это не означает, что его должно решать именно данное собрание епископов; невозможно сразу свести в единое целое все возможные улучшения и дополнения, которые могут возникнуть у отсутствующих, но вероятных членов собора (так называемой «невидимой Церкви») в меру их усердия; их ошибки могут быть чисто фактического свойства, и из-за них их нельзя причислять к еретикам.

Эта ситуация, возникшая в результате духовного диалога внутри протестантизма, который дала повод для этих умозаключений, может быть полезной также и для выяснения условий будущего собора, и прежде всего для самой Аугсбургской конфессии: в том, что они, несмотря на напряжение, возникшее после Тридентского собора, сохранили склонность к всестороннему диалогу с Римским престолом, несмотря на то что не приемлют многие его догмы. Поэтому посудите сами, мадам, могут ли светлейший двор и наши теологи совместными усилиями пытаться содействовать восстановлению союза между церквями и можем ли мы со своей стороны этому содействовать. Во всяком случае, там, где государство должно промолчать, мы можем развернуто высказать свою точку зрения в полной мере, там, где сочтем это для себя удобным, когда мы будем наиболее склонны к взаимопониманию, *постоянно восходя на амвон*¹¹, где ущербность раскола станет для всех очевидной.

И, наконец, для меня самого многое определяется не тем, что потребуется сейчас практически и на что можно надеяться конкретно, но тем, возможен ли такой диалог в принципе, и если это так, то каковы условия для его осуществления. Если здесь чисто теоретическое расхождение, то спор можно не продолжать; последствия любого развития, даже если оно в целом удачно завер-

шилось, далеко не всегда бывают благоприятными. «Медленно мелют Божьи мельницы»: у императора свои соображения, у папы Иннокентия XI **найдется много дворцов для неспешных обсуждений** и блестящих теологов. Я со своей стороны послал почтительное письмо отцу Нойелю, главе ордена иезуитов (возможно, я ошибаюсь в его титуле и должности); но я уверен, что король и окружающие его богословы будут компетентны в этих вопросах, если только отношения с императором будут оставаться мирными. И превосходно, если король в вопросах веры внимает словам епископа Мо; этот достойный прелат, с присущей ему пронизательностью и умеренностью в суждениях, мог бы сослужить хорошую службу своей Церкви и Его Величеству. И, хотя склонность этого монарха позволяет надеяться на лучшее, все же не нужно беспокоить его без основательной предварительной подготовки. Таковы мои предварительные соображения, и посмотрим, что из них выйдет. Если католическая партия первая выступит со своим заявлением, это в любом случае не будет поставлено им в упрек, и в любом случае это выльется в достойный для церкви итог ее собственных размышлений, в пробу сил в утверждении собственных прав; и если далее подключится страна в целом и ее отдельные провинции, то можно надеяться на постепенное преодоление барьеров непонимания и обособленности...

Лейбниц

V. Тот же автор тому же адресату

Мадам, если бы Вы не были в постоянном контакте с более осведомленной в этих делах мадам Пелиссон, я не осмелился бы еще раз адресоваться к Вам только для того, чтобы формально поблагодарить Вас за содействие, но Ваша ко мне благосклонность делает это возможным. Можно знать мадам Пелиссон и общаться с ней, не осознавая в полной мере всех ее достоинств; Вы же, мадам, именно таковы, какой мне описывала Вас эта достойная аббатиса, и потому невозможно не восхищаться Вашими достоинствами. Мне доставляет большое удовольствие сообщить Вам об этом в доказательство моей искренности. Если мы, в общем и целом, об-

суждаем то, чем мы вместе занимаемся, мы можем разойтись во мнениях; еще раз обсуждая неясные моменты, мы возвращаемся к истинным исходным положениям, которые ранее мы упустили из виду, и это удовлетворяет наше нетерпеливое стремление к итогу: Господь опять не обманул нас в наших надеждах на наш собственный разум, и, следовательно, поиски путей к спасению не являются привилегией какой-либо церкви.

Мадам Пелиссон, я этого отнюдь не отрицаю, вправе судить о вещах, которые я сейчас излагаю, и мне нет необходимости их повторять. Как я уже говорил, я солидарен с «видимой церковью», которая имеет в виду следующие положения: по возможности избегать мятежей; подчиняться своему властителю, данному от Бога; сохранять достигнутое в духовном стремлении к Нему и жалость к тому, кто пока не нашел к Нему путь. Эти положения и должны составить необходимый путь к восстановлению церковного единства способом, который в деталях еще не ясен. Тот способ, с помощью которого месье Пелиссон выявляет еретичность отдельных сочинений, их вид и их облик, представляется мне ясным и очевидным; это, во-первых, сочинения язычников, которые, конечно, по определению не принадлежат церкви вообще; есть такие, которые не принадлежат к *видимой* церкви, совершают при этом явную ошибку, которая, однако, вполне извинительна, а те, кто проявляет милосердие и склонны к покаянию, те принадлежат к ней предварительно, но одновременно они непосредственно обращены¹² к Богу; и как раз эта непосредственность зачастую придает их опыту большую ценность, чем таковому у членов *видимой* церкви. Ландграф Эрнст, который занимался этой проблемой и приложил немало усилий для объединения протестантов, сделал следующий шаг: он формально обратился к кардиналу Сфорца Палливачини и к почтенному отцу Фабри, послушнику монастыря св. Петра, который проповедовал тогда в Риме. Со своей стороны я могу назвать некоторых католиков, обитающих в Риме, весьма компетентных в этих вопросах. Месье Пелиссон не возражает против этого; он излагает существо доктрины ясным языком, что необременительно для чтения, и он не считает, что догмы, которые подвергаются сомнению еретики, в том числе и протестанты, есть неотъемлемое достояние католической церкви.

Стоит только посмотреть, сколько этих ограничений и оговорок у протестантов! Все упреки, которые они высказали против Тридентских решений, могут составить повестку дня самого представительного Вселенского собора. Нельзя не принимать во внимание многочисленные протесты против решений этого собора, которые возникали во Франции, которые со временем отнюдь не уменьшились, и те или иные духовные лица время от времени возвращаются к этому вопросу. Не утихают споры об обязательности его решений и обсуждение более локальных духовных собраний: известно, что итоги соборов в Констанце и Бале не признаются в Италии; то же можно сказать и о последнем французском соборе в Латране. Некоторые из пап при обсуждениях задумывались о справедливости закрытых Тридентских решений, и об их всеобщности, их применимости; я уже не говорю о том, что они были отвергнуты Генеральными штатами Франции в 1614 г. Я должен напомнить также, что авторитеты католической церкви признают право протестантов принимать участие в обсуждении решений католических соборов; но они категорически не желают признавать Тридентский собор вселенским, не могут считаться принадлежащими к еретикам. Разумеется, в положениях собора, претендующего на то, чтобы быть мировым, можно найти много дельного, поскольку он вынужден учитывать многие факторы, – но где их *нельзя* найти? И я сам искренне охотно приложил бы усилия для того, чтобы он стал мировым. Возможно, в этом и состоит замысел Провидения: оставить открытой возможность через несколько лет вновь собрать собор уже с участием итальянских священников.

Впрочем, если посмотреть внимательнее, то формально Тридентские решения – стоит только рассмотреть их требования в формальном ключе – не такие уж антипротестантские, как им это приписывают. Их претензии сводятся к требованию более ясно выражать смысл высказываний, и протестанты еще продолжают надеяться, что их мнение учтут, когда они представят его в более приемлемой форме: на будущем вселенском соборе, где они надеются высказать свои соображения относительно будущего отношения отдельных церквей. Кассиандр и Гроций полагали, что решения Тридентского собора в принципе не отвергают Аугсбургское вероисповедание. Отец Дез, евангелист, проповедующий в Страсбурге,

разделяет эти убеждения, и там они даже популярны, и некоторые протестанты даже надеются, что в своих «Избранных трудах» господин епископ Мо вспомнит о них; но, конечно, ему нелегко будет говорить с теми, кто не признает Тридентские решения.

Но прежде всего необходимо отказаться от практикующегося еще давления и запугивания, которое протестанты до сих пор испытывают, контактируя с Римом, от тех спекулятивных догм, которые и являются главным препятствием к объединению. И что особенно насущно – это собственно признание законности самого их существования. Конечно, в современной ситуации уже не столь много препятствий для взаимного понимания, как раньше; абсолютность авторитета пап во Франции ограничена так же, как и других католических священников; хотя король в целом признает его права, иногда ревниво их оспаривают. Теоретически апелляция к авторитету Тридентского собора еще считается вполне уместной, но практика все чаще расходится с теорией. Достаточно обратиться к последним сочинениям католических авторов, которые обращают языческую науку против протестантов, чем вызвали их резкое отторжение. Вот это как раз весьма опасно: здесь я вполне разделяю критический пафос господина Жюрьё, который я бы лишь немного смягчил. Именно это неизменное утверждение старых догм – главное препятствие для объединения церквей. Бог этих догматиков – это бог, жадно внимающий похвалам, ему расточаемым; он сразу пытается схватить и увековечить то, что он только что произнес, но он сразу меняет свой облик, и встретиться с ним в том же самом месте, что раньше, невозможно.

Итак, в принципе можно лишь приветствовать эту решимость католической церкви в отстаивании своих позиций; благонамеренным людям не будут припоминать ее недостатки, если только она сама не подтвердит их еще раз и не втянется в дискуссию к взаимному неудовольствию. Но во всех странах, которые стремятся к собственному единству и заботятся о связях с другими, это будет воспринято с неудовольствием, поскольку возвратило бы нас к недавнему прошлому; ведь разрыв даже одной связи не способствует поощрению их в целом, но снова возвращает нас на уже оставленные нами позиции и вновь воспроизводит ситуации, когда отдельные положения Тридентского собора мешали общему движению вперед.

Никто не собирается выступать против католической церкви как таковой, но только против неверных решений ее отдельных поместных церквей. И если удастся достичь минимального их согласия на Западе, то и все архиепископы мира согласятся с этим, поскольку он, Римский престол, не сможет спокойно смотреть, что отдельные подчиненные ему церкви отличаются от общего уровня в худшую сторону. В данном случае можно говорить, что интересы христианской веры в целом и интересы отдельных народов совпадают. Италия и Испания при этом отодвигаются на периферию, а политическая ситуация в Италии становится полностью направляемой Римом, и Италия от этого только выигрывает, получая поддержку для своих начинаний. Они будут считать, что всех остальных они оставили в дураках. И прежде всего северян – это для них естественно. Но французская нация стремится объединиться с германской, чтобы воссоздать Церковь в период ее великолетия времен Франкфуртского собора, и можно надеяться, что это намерение было бы воспринято папой благосклонно, если бы при этом в его распоряжение предоставили Романию и Тоскану. Я уверен, что у духовенства Италии, да и в самом Риме, у тех, кто честно следует традиции и кто готов способствовать реформе Церкви, – у многих эта идея может встретить благосклонный отклик. Хорошо бы вернуть этот обычай обсуждения на виллах Рима, где спорить приятнее, чем где бы то ни было; если не слишком обращать внимание на тонкости определений, то в один прекрасный день можно получить результат, подобный достижениям Церкви в старые добрые времена, в том числе и в строгом следовании правилам.

И к Тридентскому собору также применимы подобные положения, если только договориться, что Католическая церковь не будет с самого начала объявлять протестантов вне закона. Если же какая-то итальянская церковь попробует это сделать, можно будет указать ей, что она уже отстала от общей политической линии: нельзя же делать произвольные исключения. «Тот, кто отлучает других, отлучает тем самым и самого себя», – как сказал один из французских епископов папе¹³. И тем более, если какая-то поместная церковь пытается отлучить другую или какую-то нацию или даже если вышестоящая церковь применит этот прием к одной поместных церквей, или если какой-то епископ отлучит какого-либо правителя вместе с подчиненными ему христианским общинами, не нужно долго раз-

мышлять, какой результат будет в итоге: он будет не только ничтожным, но и незаконным. Если кто-то заранее препятствует законному решению мирского суда, то невозможно представить себе, что Бог выступит на его стороне в качестве Экклезиаста; здесь можно привести известную формулу *Clave non errante*¹⁴. Тот, кто обращается к авторитету Экклезиаста, должен и сам следовать его положениям – по меньшей мере тому, что из них прямо следует. Этого в целом вполне достаточно, но этого мало для использования их канонического вида в проповеди, где важно избежать, насколько возможно, предвзятого отношения к каждой отдельной душе. И это несколько не умаляет авторитет Экклезиаста и его проповеди, которые ведь заранее ограничены определенными рамками. Мы помним, например, как отнесся французский клир к гневному отлучению папы «В эту обедню возвецаю» и к декретам римской инквизиции, – я уже не говорю о тех многочисленных священниках, и не только во Франции, которые их не одобряют.

Итак, я далек от того, чтобы умалять авторитет Церкви и ее право управлять паствой, что приписывает мне мадам Пелиссон; те же оговорки, которые я высказал относительно права отлучения и других полномочий, данных Экклезиастом папам, означают, что они должны быть ограничены, что подтверждает положение: «Если вы хотите *хорошо* править, правьте *хорошо*». При этом я различаю совокупную Церковь, которая в целом далеко не всегда одобряла выступления против протестантов, и высшие чины церкви Экклезиаста, управляющие ею как бы извне; правомерность отлучений, провозглашаемых ими великому королю, должна быть вынесена по меньшей мере на суд будущей, более совершенной церкви.

Кроме этих вопросов, которые я здесь упомянул, невозможно избежать и более сложных, связанных со спасением души, которые лежат в основе католической веры, но почти никогда не обсуждаются ею публично. Я уже указывал, что в случае с протестантами все совсем иначе, поскольку они отнюдь не отрицают, что они принципиально иначе верят в Бога. Я опускаю наиболее выразительные места из сочинений господина Пелиссона, поскольку это увело бы нас слишком далеко; но я не могу пройти мимо очень важных положений, высказанных в последней статье, без того, чтобы не сделать некоторые замечания. Все признают, что Церковь по ходу своей деятельности должна преобразоваться, что-

бы исправлять возникающие недостатки; что люди иногда сильно ошибаются в непосредственной оценке происходящего; что пришло время, когда само по себе чтение Писания больше не гарантирует безошибочности; что только ничтожные условности мешают восстановить прежнюю свободу общения между двумя способами веры, католическим и протестантским, предпочтительно 4–5 раз в году, поскольку протестанты, как правило, не собираются без конкретного повода, требующегося для их совместных действий; неверно также представление, что протестантские князья игнорируют эти собрания в своих государствах и предпочитают как в государственных, так и в личных целях непосредственно сноситься с католической церковью. Заметьте, что не проходит и десяти лет, чтобы во Франции не выявлялось новых препятствий к истинному убеждению и пониманию того, что есть настоящая благодать, и эти проекты не только заслушиваются при дворе, но и одобряются почтенными прелатами, и при этом считается, что Франция как государство принадлежит Римской церкви, поскольку его символы и внешние привилегии, ей даруемые, остаются неизменными.

Относительно этой позиции мадам Пелиссон я могу сказать то же, что месье епископ Тина, ныне епископ Нойштадта, расположенного в Австрии, высказал в своем письме императору; эти соображения я со своей стороны изложил в письме епископу Мо, и он частично согласился с ними. Этот выдающийся прелат постоянно общается с королем, и ему ли не знать, что Его Величество думает по этому поводу и каковы здесь его предпочтения! Несколькими годами позже эти соображения епископа Нойштадта были обобщены нашими теологами, и епископ Мо сообщил в своем письме нашей несравненной герцогине, которая его переадресовала к нам, что он будет рад встретиться с епископом Нойштадта хотя бы для того, чтобы подтвердить свои прежние впечатления о нем. Действительно, ведь со времени встречи в Регенсбурге, произошедшей еще в прошлом веке, между католиками и протестантами не происходило общего обмена мнениями ни по практическим, ни, тем более, по принципиальным вопросам.

Покойным папам, конечно, изъявляют свое почтение так же, как и другим выдающимся особам. Но эти символы власти и привилегии ведь тоже не имеют вечной силы. В этой связи мне представляется, что предложения епископа Мо, возможно, не дошли

тогда до адресата или же тогда возникли чисто политические препятствия в их осуществлении. Данное противостояние было выгодно покойному папе и было в свою очередь подхвачено императором, поскольку соперничество государей часто затрагивает и отношение к самым священным предметам, которых они в принципе и не должны были бы затрагивать. Но в итоге лед был сломан; возможно, пришло время представить тот грядущий день, когда этот поворот свершится, и мы должны думать, чего можно ждать от него. Бесспорно, лучше начать с малого и понемногу прибавлять к нему по кусочку – только бы не продлевать долее этот ужасный раздор, который постоянно источает наши слезы. Вот что я могу сказать о письме мадам Пелиссон.

Итак, я уверен, мадам, и Вы можете заверить в этом месяце Пелиссон, что со стороны наших правителей нет никаких чрезмерных притязаний, которые могли бы помешать установлению церковного мира. Неверно говорить о равнодушии или апатии, которые мотивировали бы их отдельные попытки и позволяли ожидать ответной реакции; прежде всего этого можно ожидать от Его сиятельства князя, чей высокий разум и героические настроения всем известны и недвусмысленно направлены на выяснение запутанных отношений в их истинном виде. Та же принцесса, которую месяце Пелиссон восхваляет как великую и несравненную, может принять участие в этом деле к своему вящему удовольствию, мы ей только будем благодарны. Дай Бог, чтобы рвение мадам Пелиссон и выдающийся ум достойного прелата, с которым у него такое духовное родство, воплотились и в плодотворных действиях, которые оживили бы наши надежды. Современным порокам необходимо противостоять – это для меня очевидно, но при этом мы должны относиться с почтением к благочестию и смирению.

При этом я отнюдь не считаю, что нет никакой надежды разрешить проблемы европейской политики, нас отягощающие; Бог даст такую возможность, но только тому, кто овладеет балансом людских добродетелей и пороков. Можно сказать, что тот монарх, который попытается это осуществить, будет уникальной фигурой нашего времени – и как только Господь того пожелает, наступит всеобщее ликование. Я полагаю, если уж говорить об этом, не следует ожидать, чтобы всем это доставило удовольствие; хорошо уже, если не будет сознательно игнорироваться то, что рано или

поздно должно произойти. Быть осторожным – не мешает верить в способности людей, сохраняя веру в силу людей выдающихся, но и с умением в необходимый момент преодолеть все предстоящие препятствия, которые представляют ему превратности отношений между государствами. И, сосредоточив эти силы, довольный их сознанием, он поймет, что главный шаг на пути к собственному счастью он должен сделать, осчастливив других. Чрезмерные похвалы могут лишь избаловать венценосного ревнителя веры; но мудрый правитель должен учитывать совокупную реакцию своих подданных, чтобы понять, где он перестарался, а где ему нужно добавить усилий.

Поэтому восторженное красноречие мадам Пелиссон в данном случае будет весьма кстати, если только она сумеет объяснить королю, что он может приумножить свое величие совершенно неожиданным образом; и хотя он должен быть осторожен, чтобы не нарушить систему власти в собственном королевстве, созданную им ранее, но благо от этих его деяний, ожидаемое для всего мира, должно оправдать этот неизбежный риск. Его же самого, установившего мир в Европе и согласие между церквями, ждет вечная слава!

VIII. Боссюэ – Лейбницу **Версаль, 10 января 1692**

Месье, я получил через мадам Бриньон те письма, которыми Вы сочли возможным меня удостоить; они представляются мне столь исчерпывающими по содержанию и благородными по стилю, что я воспринимаю выражаемые Вами знаки внимания ко мне не просто как любезность с Вашей стороны, заслуживающую просто благодарности; нет, это свидетельствует о Вашей мудрости, соединенной с благим стремлением – наконец установить мир между Церквями. Статья аббата Молануса также послужит, дай Бог, важным вкладом в это благое дело. Я прочел то, что Вы мне послали, с большим вниманием и удовольствием и жду с нетерпением завершения этого собрания свидетельств, которые Вы мне обещали, прежде чем высказать свои впечатления, для того чтобы мои суждения о них было достаточно точными. По этой же причине, месье, мне трудно ответить сразу на те конкретные предложения,

которые Вы изложили в письме мадам Бриньон, через которую Вы связались со мной, поскольку для того, чтобы оценить весь проект в целом, мне нужно представить себе те выводы, которые могут быть сделаны в итоге этого обсуждения.

Я хотел бы надеяться, месье, что Вы сочтете уместным суммировать пять основных положений, приводимых в Вашем первом письме¹⁵: Вы не сумеете жить в государстве, в котором все регулируется через религию. И я осмелюсь спросить, с Вашего позволения, во-первых, если Вы полагаете, что дело именно в проведении нового собора, это возможно, только если этого пожелают основные предполагаемые участники; во-вторых, Вы, очевидно, знаете, что есть относительно положений Никейского и Халкедонского соборов, когда и по какому поводу должны собираться вселенские соборы и какого рода вопросы заслуживают быть на него вынесенными; в-третьих, какими рамками Вы полагаете ограничить это обсуждение, чтобы оно не вышло за пределы обсуждаемых вопросов и не поколебало бы авторитета церкви в целом? В-четвертых, Вы высказываете мнение, что решения Тридентского собора не имеют силы во Франции и Германии столь же непреложной, как в Италии и Испании, и именно это обстоятельство полагаете свидетельством сохранения там непосредственной веры; Вы даже находите, что отдельные католики позволяют себе сомневаться в непреложности его итогов для всей католической церкви; и, наконец, в-пятых, Вы утверждаете, что решения Собора, направленные против Лютера, Кальвина и Цвингли и, соответственно, против церквей, ими основанных, были вызваны привходящими факторами, которые сам Лютер стремился преодолеть в своей дальнейшей деятельности. Прежде всего это относится к вере в трансубстанциальность Господа, к святости при служении мессы, возможности свободного выбора в жизни человека (*liberum arbitrio*), а также к почитанию святых, реликвий, образов (поклонению иконам), погребальному обряду, словом всему тому, что было для Лютера и Кальвина основным предлогом для отделения. Если Вас не затруднит, месье, представить эти пять пунктов совокупно, с присущем Вам стилистическим искусством, дополненным его изяществом и искренностью, то надеюсь, нам станет яснее, какие условия нужны для взаимопонимания, направленного если не к установлению Вечного мира и всеобщему спасению душ, то хотя бы постоянному диалогу между нами.

Наконец, я предвкушаю удовольствие от знакомства с «Историей Реформации в Германии» месье Зеккендорфа¹⁶, которую я должен на днях получить в том случае, если она написана на языке, которым я владею. Спешу заверить Вас, что, если в этой книге найдется что-либо ценное, я непременно использую это в новых изданиях моей «Истории превращений протестантских церквей», которую я непременно вышлю Вам, когда сочту, что я уже ответил в ней на все возможные возражения. Это, месье, на мой взгляд, единственно верный способ написания такой истории, где ожесточенная борьба партий может быть представлена без неизбежных в ином случае недоразумений.

Извините меня, месье, что я так долго медлил с ответом; это не только от стремления продлить процесс беседы с таким человеком, как Вы, но и потому, что я надеюсь на благоприятный итог нашего диалога в том деле, в котором мы сердцем едины с аббатом Моланусом. Наконец, я прошу, чтобы Вы засвидетельствовали искреннюю симпатию, которую я испытываю к герцогине Ганноверской, соблаговолившей сообщить мне о Вашем намерении, как и о том, что Вы питаете ко мне глубокое уважение и воодушевлены своим намерением настолько, что Вас не смущают возможные препятствия, которые неизбежно ждут Вас на пути осуществления столь обширного замысла, возможно, вдохновленного Господом. По зрелом размышлении я вполне разделяю благочестивый замысел епископа Нойштадтского. Выражая Вам свое почтение, остаюсь Вашим покорным слугой.

Жак Бенинь, епископ Мо

XI. Лейбниц – Боссюэ Ганновер, 18 апреля 1692

Месье, я не хотел бы дольше медлить с ответом на Ваше столь любезное письмо¹⁷, тем более что я должен получить его от Вас со дня на день, в котором я ожидаю увидеть уже готовый проект, должный способствовать объединению церквей. Вы вправе с полным основанием утверждать, что здесь трудно иметь простую исходную позицию; по сути, она отсутствует. Я вполне представляю

себе сложность ситуации как в основных, так и в привходящих обстоятельствах, и я не ищу простых путей в осуществлении этого большого дела. Однако предварительно необходимо выяснить, что здесь можно себе позволить, все же можно найти примеры, в которых этот замысел осуществлен; это тогда, когда партии протестантов, ранее противостоявшие друг другу, находили возможность для объединения. Последователи Каликста в Чехии сделали это лучше других: при этом они не примкнули к какому-либо правителю. Кроме того, читая рекомендации собора в Бале, которые я здесь прилагаю, можно заключить, что они решили своей властью, что обычай двойного летоисчисления, установленный собором в Констанце, не может быть для всех знаком принадлежности к истинной вере. Они не признают авторитета этого собора в целом, и поэтому не признают законность декрета, которым папа Евгений и собор в Бале закрепили этот обычай, и поэтому нет формального способа для того, чтобы привести их к подчинению, но при этом открывается возможность для поисков новых путей определения будущего Церкви. Они подчеркивают это свое отношение как раз потому, что полагают его совпадающим с общим убеждением, что Иисус равно присутствует в обоих временах, и, соответственно, признают, что действительные связи внутри каждого из пространств при всех изменениях вполне осуществляются, и можно признавать это положение, не возводя его, однако, в догму. Это согласное решение, принятое Советами последователей Каликста в Чехии и Моравии, было ратифицировано собором в Бале. Папа Евгений выразил свое удовлетворение в письме к Чешским церквям; в свою очередь Лев X намного позднее подтвердил свое одобрение, и Фердинанд обещал ему следовать. И только небольшая группа не последовала этому: один Жижка представляет среди них значительную фигуру, и еще Прокоп кое в чем его поддержал; но ни один суверен, светский или духовный не сделал этого. Но это лишь продолжает старый спор между Севером и Югом, большинство германских народов противопоставляют себя латинянам, ибо Европу можно разделить на четыре основные части: греческую, латинскую, германскую и славянскую. Греки, латиняне и германцы составляют три основные части вселенской церкви; славяне примыкают к тем или другим. Французы, итальянцы, испанцы и португальцы суть латиняне и католики; англичане, шотландцы, датчане и шведы суть

германцы и протестанты; и, наконец, поляки, чехи, русские или московиты суть славяне, и московиты вместе в народы, родственными им по языку, которые сейчас покорены Османской империей, и особенно их лучшая часть, которая вовлечена в орбиту польского влияния, придерживается греческого обряда.

Посудите сами, месье: большинство германских народов не считает за благо следовать тому, что кажется естественным в Чехии. Я считаю нужным заметить, что это хороший знак. Не лучше ли для самого Рима будет вновь заслужить доверие народов, у которых, конечно, есть различные позиции по основным вопросам, сложившиеся в силу различных обстоятельств в различное время, и потому что-то может больше устраивать католическую церковь, что-то меньше – но, например, положение о необходимости непосредственного ощущения Божественного присутствия или положение о предопределенности Божественного провидения – разве оно не составляет предмет спора между Римом и Французской церковью? Итак, если по-настоящему взяться за дело, то я полагаю, что в один прекрасный день протестанты способны выработать весьма впечатляющую доктрину вероучения, если они, конечно, доживут до этого момента, поскольку они очень стараются искоренить очевидные недостатки, особенно в отношении культа. И я думаю, что это будет не особенно сложно и применительно ко всему догматическому целому.

Отец Денис, капуцин, учитель теологии, занимает ныне должность хранителя в Хильдесхайме. В своей «Благой жизни» он рассуждает об оправдании добрыми делами, о достоинстве тех или иных вещей и предметов и приводит доводы большого числа авторов, которые пишут в манере, близкой протестантам.

Я полагал бы за честь беседовать о науках с Лубером, но я полагаю, что его произведения следует отнести скорее к математике, чем к философии. Действительно, как раз о философии я думаю иначе, чем он, и здесь я должен представить свою позицию на Ваш суд. Если не прояснить изначально здесь некоторые позиции, то будет почти бесполезно излагать ее Вам, и поскольку Вы совершенно уверены в некоторых исходных предпосылках, то у Вас не будет времени и желания менять их походу дела. Если не вдаваться в собственно предметные вопросы физики, где законы материальной субстанции косвенно определяют логику исследования (этого

в данном случае я хотел бы избежать), то я не думаю, что сама по себе идея материи предполагает обнаружение некоего особого, имманентно рационального взгляда на нее в целом – иного, чем представляется нам непосредственно: напротив, все, собственно, определяется энергией, которая творит телесную субстанцию и определяет в основных чертах ее разделение на устойчивые и неустойчивые элементы. Потому что я не склонен думать, что полный покой оставляет все в неизменности и что одни тела могут действовать на другие с определенного расстояния: пока не определена мельчайшая единица материи, до тех пор творение мира еще не закончено, поэтому у меня нет определенной позиции относительно космологической теории Коперника: напротив, я готов доказать, что определенное соотношение тел не может составить содержание теории – таковым может стать только соотношение сил. Я полагаю также, что любое изменение не может достигаться скачком: например, состояние покоя выявляется там, где проходит контрастное ему, и в нем суммируются все прежние состояния, ранее не воспринимаемые; к этому я прибавил бы новые определения, которые наглядно послужили бы для обоснования этого основного положения. В письме мадам Пелиссон я изложил свои некоторые соображения относительно природы этих сил, проясняющих в целом природу материи; не знаю, сочли ли Вы их заслуживающими внимания. Я в основном разделяю сказанное месье Зеккендорфом: конечно, хотелось бы видеть положение вещей в столь же благоприятном свете. Но при этом я советовал бы все же сократить констатации, что все обстоит наилучшим образом: ведь многое успело сложиться таким образом, что с трудом объединяется в единую картину, и если это будет возможно, то только по прошествии определенного времени: ведь благая вера особенно нуждается в точном определении. Конечно, можно поднять все архивы в целом, но я не думаю, что это необходимо, поскольку я не люблю просто рыться в книгах. О них сразу вернее судить по стилю автора, способу, которым он выражает свои мысли, обнаруживая при этом эрудицию. Их содержание определилось тем, что он родился, когда умер Лютер, и для того, чтобы найти «формулу согласия», он обращался к архивам саксонских правителей, в том числе и к княжеским. При всем большом уважении, которые я питаю к уму и благородству месье Зеккендорфа, я нахожу способ выражения этих

переживаний слишком суровым, но это частный момент, и, разумеется, он не может усложнить для меня их понимание. Вообще надо сказать, что теологи собственно Саксонии куда более суровы, чем уроженцы Нижней Саксонии.

К тому же, что относится к истории *Конкордии*, это две книги, где изложен спор двух основных лагерей: первая – Оспиньена, изложенная в «Примирении несогласных», вторая – Хитреуса в «Согласии согласных», возражающая первой, особенно полна интересных подробностей. Как я представляю, относительно язычников он придерживается тех же позиций, что и Зеккендорф. Я могу прибавить к этому, что он в полной мере владеет религиозной тематикой; но его сочинения не могут служить для того, чтобы понять мотивы протестантских князей, особенно тогда, когда они пытаются найти в религиозных спорах разящее орудие для недостойных взаимных обвинений. Поскольку маркиза Бетюн все же терпит это, я пользуюсь этим случаем, чтобы переслать Вам книгу отца Дениса, и также адресую послание мадам Пелиссон.

Итак, я должен подтвердить, что я вполне согласен с вами в том, что касается законов механики Природы, но я полагаю, что сами эти законы происходят из изменчивой картины взаимодействия сил, движимых высшим разумом и источником действия, лежащим вне материального мира, который в полной мере определяет и способ его осуществления, и лежит в начале многообразия форм всего сущего. При этом я не могу разделить оценку весьма талантливого человека, автора «Введения во множественность миров»¹⁸, который говорил маркизе, что природа столь многообразна, что похожа на лавку или мастерскую ремесленника; это напоминает мнение короля Альфонса, что устройство природы в сущности элементарно. Эта мысль не кажется мне плодотворной: отсюда недалеко и до утверждения, которое распространяют картезианцы; каждый из элементов этой механической связи, составляющей эту естественную последовательность, можно выявить и спокойно, не торопясь исследовать. Но это вовсе не так: невозможно собрать их воедино и исследовать как зубцы на колесе; это движение просто невозможно охватить единым взглядом. Если природу и можно сравнить с машиной, то она сама состоит из множества маленьких машин, которые только мы и видим; иначе говоря, мельчайшая часть мира уже содержит в себе все разнообразие форм, которое далее лишь разворачивает-

ся вовне. Так устроено наше восприятие: все, что должно быть и существовать как одушевленное, во всей полноте своего осуществления, определено архитектурой высшего замысла. Здесь можно говорить и о гармонии, и о геометрии, и о метафизике или, если угодно, о морали; и, наконец, самое важное – рассматривать эти творения как наделенные ощущениями, чья субстанция образуется спонтанно независимо от всех остальных вещей, но при этом последние должны окружать их, создавая для них необходимую среду. Итак, природа полна загадок, но это загадки ее разумного устройства, загадки соотношения разумных сил, их способа проявления. Именно этот разум совпадает с конечной целью прогресса, который, как представляется, не может быть постигнут во всех своих подробностях. С другой стороны, можно воспринимать Природу в целом, вне ее частных проявлений, это прекраснее всего. И, наконец, в этом мы можем надеяться преодолеть то презрение, которое порождает фанатизм у многих современных философов, в остальном вполне разумных и здравых. Но наилучший способ постижения Природы – разумный – и каждое проявление ее рассматривать как наиболее совершенное; в этом и состоит величие Разума, определяющее его способность постигать мир в целом.

Ну, я и так написал слишком много, чтобы надеяться получить ответ на все сразу.

Прошу прощения, почитающий Вас и остающийся Вашим почкорным слугой

Лейбниц

**XV. Лейбниц–Боссюэ
Ганновер, 13 июля 1692**

Месье, я надеюсь, что вскоре Вы будете иметь возможность ознакомиться с книгой преподобного отца Дениса, главы ордена капучинов в Хильдесхайме. Он мой друг, и он был в Ганновере, в приюте, который капучины открыли еще при покойном князе Иоанне-Фридрихе. Он склонен поощрять любые благие чувства и поэтому не выказывает никакого раздражения против реформы церкви – так же, как в том письме, месье, которым Вы меня удо-

стоили. Те из протестантов, которые наиболее разумны, далеки от того, чтобы осуждать это произведение в целом, – они пытаются его в чем-то корректировать; и мне очень приятно констатировать, что чувства, которые ими движут, весьма сходны с таковыми же, которыми руководствуются лучшие представители Римской церкви. Они даже приводят массу формальных свидетельств в доказательство своей правоты, но они неустанно приводят новые доводы о бесполезности реформы. Но много и таких достойных авторов, которые не ослабляют своих усилий, чтобы приглушить это противостояние в частных случаях, которые мешают духу благочестия воплотиться в достойную его теологию.

Эразм и некоторые другие достойные мужи, которые не разделяя воззрений Лютера, в целом признавали необходимость применения того способа обращения язычников, которые даны в поповедях св. Павла; с Лютером они расходились здесь не по сути, а относительно способа применения этой доктрины. Ныне же эта превосходная доктрина (об оправдании верой) вполне усвоена католической церковью; плохо лишь то, что сопутствующие ей духовные практики ею не признаются, но еще хуже, что они неизвестны и широкой публике, которая в своем стремлении к духовному просвещению соблазняется сомнительными учениями, которые отклоняются от духа истины в религии. Слава Богу, в некоторых епархиях, руководимых благочестивыми епископами и правителями, ситуация напоминает ту, о которой я говорил вначале.

Но и для протестантов было бы хуже, если бы с ними произошло то же самое. Это как раз тот случай, когда они воодушевляются отдельными находками, которые в целом могут привести к искомому результату. И Вы, месье, что бы Вы сказали близкому Вам человеку, если бы он возжелал получить сейчас же сразу все результаты или если он захотел осуществить это в обозримом будущем? – Вы просто присоединили бы его доводы к уже высказанным ранее, не вдаваясь в их обсуждение и полагая, что Ваш долг – поощрять их в том, что делаете и Вы сами во славу Господа нашего, будь то лишь сектантские упражнения или же они были продиктованы стремлением возвысить человеческий разум.

Я очень рад тому, что Вы закончили Ваши заметки о сочинении аббата Локкума. Мы умоляем Вас присовокупить к ним впечатления по поводу папы Евгения и собора Бале в целом, из ко-

того следует, что постановления Констанцского собора не препятствуют установлению связей с Чешской церковью Каликста, что не может, конечно, расцениваться как согласие на признание равенства двух способов веры. Этот пример настолько воодушевил меня, что я поторопился переслать Вам, поскольку он важен для уточнения *терминов*, и я уверен, что он смягчит неприязнь, которую Вы питаете к приостановлению декретов соборов, чем протестанты пользовались более радикально, чем каликстинцы применительно к собору в Констанце. Но мы вполне уверены в том, что Вы найдете наилучший способ использовать эти материалы, даже если в другом отношении они для Вас не подходят.

Вот то основное, к чему я хотел бы приступить, – теперь Вы это знаете. Для этого не нужно устраивать диспуты и писать книги, но лишь высказать Ваше мнение: может ли некое суждение быть непосредственно подсоединено к другому? Иначе говоря, необходимо подготовить некую предварительную платформу. Госпожа княгиня Целлийская прочла Вашу «Историю превращений протестантских церквей». Я еще не имел чести получить от нее это ваше сочинение, но я могу предварительно сказать, что она одобряет то, что Вы написали.

Вы, безусловно, – наиболее значительный из тех, кто склонен к философской позиции, что природа в основном выражает себя механистично, и я отнюдь не полагаю, что должен совершенно игнорировать это Ваше суждение. В целом я полагаю, что доля истины есть в каждой из высказанных позиций, и я отнюдь не собираюсь сразу опровергать Вашу и окончательно обосновывать свою. Нет, для меня очевидно, что некоторых моих положений Вы не можете принять, и я прошу Вас повременить с вынесением окончательных суждений: ведь любое суждение, с которого Вы начнете, во многом предопределяет и последующее обсуждение. Остаюсь преданным Вам и Вашим покорным слугой,

Лейбниц

XVI. Ответ Боссюэ на предыдущие письма

Версаль, 27 июля 1692

Месье, относительно письма, посланного 13-го сего месяца, сообщаю Вам, что я не собирался издавать ни сочинение аббата Молануса, ни мой ответ на него. Я не предполагал совершать ни сам, ни с помощью других ничего сверх того, что уже не делалось по каналам общения, которые нам любезно предоставила мадам Бриньон. Все это было сделано, включая проект месье Пелиссона, и мадам Бриньон сообщила мне, что Вы желали бы, чтобы я перевел сочинения, написанные на латыни для двух правительниц, но при этом не было речи о моей их оценке. Мой взгляд на эти сочинения сходен с Вашим: я стремлюсь оценить его не в целом, а как частное исследование, мало связанное с остальными, пытаюсь при этом воздержаться от всякого скрытого раздражения по этому поводу. Именно те из исследований, которые не касаются основных вопросов веры и прав народа определять эти вопросы в целом. Я пытаюсь подойти к этому предмету по возможности просто; в частности, я изучил те материалы конгресса в Бале, на которые Вы пожелали обратить мое внимание, не входя в обсуждение оснований других частей этого постановления. Я уже закончил эти заметки. И если Вы благосклонно примете во внимание те факторы, которые мешают их окончательному оформлению, то я думаю, Вы извините мое многословие.

Сочинения отца Дениса я бы предпочел пока не рассматривать детально с позиций их рационального обоснования и тем более не выносить им окончательный приговор; здесь можно сказать лишь следующее: если его доктрина построена на дистанцировании от учения Лютера, то она, скорее всего, стоит на позициях Римской церкви, но тогда непонятно, что она к ней прибавляет. Нет смысла рассматривать ее как добросовестное оппонирование тому или иному церковному постановлению: настоящей ее целью, полагаю, было возбудить в народе ненависть, движимую злой волей и ведущую в конечном счете к расколу. Религиозные братства, на которые Вы ссылаетесь, есть не что иное, как различные толкования доктрины оправдания верой; поэтому их выступления не могут рассматриваться даже как предварительный материал в религиозных спорах, поскольку они никого ни к чему не обязывают.

Итак, исходя из провозглашаемых Вами принципов, породивших в истекающем веке немало бесполезных решений, Вы можете и дальше продолжать в том же духе и поставить вопрос: куда может привести последовательность этих решений, если довести их до логического конца? Но здесь не поможет даже самое придиричливое предварительное рассмотрение: то, что здесь уже представлено, не может быть исходной базой для разговора о возможных изменениях, поскольку не может умалить прежние авторитеты и не может приостановить непреложность их решений. Итак, все, о чем Вы говорите, месье, относится к основным вопросам веры и разрешается соборами, которые призваны всячески уменьшить порочное умаление веры, воспрепятствовать ему, насколько это удастся, и только это помогает избежать ненужных решений и сопутствующих им ошибок.

Я совсем не ответил Вам по поводу того, что Вас интересовало относительно моего епископства. Для меня это один из способов исправлять неизбежные ошибки, поправлять, содействовать необходимым изменениям слишком уж замкнувшейся в своей законченности доктрине; найти благожелательных людей, которые одобрили бы основное направления Ваших усилий на первых порах, будет нетрудно; но те надежды, которые они возбуждают, совершенно несовместимы с Церковью: если эти два аспекта соединить, все равно это ничего не решит и в целом отнюдь не прояснится. Вы, по-моему, согласились, что все же надо найти тот путь, который не ставил бы под вопрос исконные прерогативы Церкви, и сочинение аббата Молануса представляет собой значительный шаг в этом направлении. С Вашим блестящим умом, думаю, Вы в конечном счете еще более преуспеете в этом.

Так что в целом Ваша философия мне не подходит. Желаю Вам всяческих благ и выражаю Вам мое почтение, оставаясь Вашим покорным слугой

Жак-Бенинь, епископ Мо

XVII. От него же – Лейбницу Версаль, 28 августа 1692

Месье, я сопроводил это письмо своей версией, которую я отправил вместе с сочинением аббата Молануса. Я надеюсь, что я сделал все от меня зависящее, чтобы госпожа герцогиня Ганноверская приняла участие в нашем проекте. Я прошу аббата Молануса извинить меня за некоторую вольность, которую я позволил себе относительно его сочинения, сократив его. По моим представлениям, насколько их можно кратко выразить, оно стало более свободным для восприятия в целом, в то же время сохранив основную линию; как мне кажется, я при этом смог лучше представить его в целом. Я очень обязан Вам за его латинский перевод, который помог мне проследить шаг за шагом и соотнести со схоластической традицией ход мысли уважаемого аббата, чтобы уяснить, каким образом оно может быть практически использовано. Для того, чтобы я мог высказаться более развернуто, мне необходимо прочесть его на французском; впрочем, я надеюсь, что то, что можно уяснить из латинского перевода, не утратило облика оригинала, который виден, который воспринимается «сходу» в целом.

Вот, месье, то, что я могу сделать применительно к будущему объединению, но я не хотел бы скрывать от Вас те значительные препятствия, которые я вижу на этом поприще – а именно, относительно того плана, к осуществлению которого стремится большинство протестантов, – создать условия для более простого прочтения основных таинств, которые для них представляются слишком усложненными, отвлеченными в своем метафизическом значении, и быть ближе к вере простого народа. Вы видите, таким образом, в чем здесь состоит ведущая линия рассуждения, по которой мы с Вами расходимся. Это два пункта: во-первых, то, что Евангелие очевидным образом включает в себя эти вершины и изначальная простота христианского учения отнюдь не отвергает этого более сложного способа веры; единственное, что такой способ действительно привносит, – это в точности закрепляет уже достигнутый уровень, отнюдь не стремясь любой ценой продвигнуться вперед, но и не имея в виду попятное движение. Второе же, чем ценна простота христианской доктрины, – это стремление определить до конца все части целого и следующая отсюда пре-

дельная сконцентрированность ее содержания, предполагающая также непреложность избранного способа веры. На том стоим и будем стоять и далее.

Итак, если в целом охватить взглядом существующее в Церкви положение вещей, то можно сказать, что все решается именно этим соотношением: не просто разными дискуссиями или многократным декларированием собственной правоты и тем более доказыванием, что оппонент ошибается в целом, но демонстрацией того, что разум в целом ведет именно к данным выводам. Ведь люди верят в то, что *уже* достигнуто, но непосредственно, актуально Вы верите, только если отклоняетесь от этой общности мнений. И это соотношение как раз и определяет общее положение вещей в мире, по сути, достаточно простое: признавать как ценность постоянства, так и определенных изменений в том случае, если те, кто правит, действительно способны их осуществить.

Тем самым подобные проблемы, как правило, не становятся непреодолимым препятствием для решения действительно важных вопросов, например, о троичности Господа, о благодати, и, наконец, поскольку, когда доходят до того, что их действительно затрагивает, их вера остается неизменной, – для тех, кто ее отправляет, и в содержании самого культа и его материальной стороне. Такой подход присущ католикам, но он составляет также и секрет божественной простоты христианской религии в целом. В этом и заключается наиболее верный путь в Царство Господне, что и позволяет в конечном счете избежать ложной простоты и любого своеволия в воспроизведении высших таинств.

И, наконец, лютеране, кои хвалятся, что только они понимают догмы христианства, сводя их к элементарности собственно евангельского текста, тем самым скорее отдаляются от него; как раз тем, что они направляют свои усилия на доскональность описания произошедшего Там и Тогда, и подчеркивают насущность добрых дел, и связывают с этим определение критериев правомерности освящения и многие другие догматические положения, которые уже до них были определены исчерпывающе точно, – как раз то, что они постоянно возвращаются к определению критериев собственной оценки, ее естественности и неподдельности, также свидетельствует об их несовершенстве.

Поверьте, месье, я вполне разделяю принцип свободы обсуждения этих предметов, о которой Вы говорите, предполагая при этом, что человек со здравым умом и способностью суждения вполне способен постигнуть в них необходимые детали, и поэтому я завершаю свое письмо заявлением двух позиций: первое – что Католическая церковь невозможна без полного и досконального утверждения ею догм, которые ею *уже* признаны, и второе – что ничего нельзя прибавить к тому способу верования, который сейчас существует.

Наконец, мне хотелось бы передать Вашим повелительницам пожелание успехов в их неустанном стремлении к знанию, если они, конечно, сочтут мои «Размышления» достойными своего высокого внимания и найдут возможность извинить меня за сухость моей манеры изложения. В этом они вполне правы, и чтобы не терять времени на дальнейшие извинения, я выражаю Вам свое глубокое почтение и с тем остаюсь Вашим покорным слугой.

Жак Бенинь, епископ Мо

XVIII. Лейбниц–Боссюэ Ганновер, 1 октября 1692

Месье, я счел за благо передать Ваши превосходные «Размышления» по поводу сочинения аббата Молануса в руки графа Балати, переписку с которым Вы в свое время имели случай благословить. Но, к сожалению, вопрос о встрече нельзя разрешить в скором времени, поскольку я еще должен связаться с аббатом – пространство для нее должно быть еще подготовлено, хотя сам автор ее желает и предмет обсуждения не терпит отлагательства. Само собой предполагается, что Ваши «Размышления» и подобные им по степени глубины сочинения обязательно будут прочтены с глубоким вниманием. Госпожа герцогиня обещает это наверняка, и светлейший князь также примет в этом участие: он должен ознакомиться с тем, что Вы изложили в своих превосходных статьях; аббат Моланус также восхищен ими. Мы отнюдь не полагаем, что Ваша позиция не должна быть представлена в предварительном обсуждении, если не рассматривать высказанную Вами позицию как окончательную

и если мы не будем трактовать ее как окончательную позицию также всей Католической церкви. Эти предварительные условия, как я представляю, и содержатся в Вашем сочинении, и, если это требуется, я надеюсь, что Вы дадите к нему необходимые пояснения.

Теперь я коснусь некоторых моментов, затронутых Вами в ответном письме, которых я ранее не касался подробно. Когда я говорил о чрезмерных ограничениях, я имел в виду не вселенские соборы, но те, которые собирались папами или канониками для решения более частных вопросов. Я не имел здесь в виду братств и все публичные проблемы, которые возникают в их деятельности: на мой взгляд, на данном этапе достаточно, чтобы у них были добрые намерения.

Что же касается неизбежных ошибок, присущих взглядам многих протестантов, которых Вы опасаетесь, месье, – из-за чего истинная вера может быть искажена в народных представлениях – то сходные ошибки возможны и в любых ученых спорах: также редко достигают поставленной цели, если вступают в спор относительно незначительных деталей – даром, что они облечены научной аргументацией. Ведь сказано кем-то: «Вчера ты уверовал, и завтра надо верить так же». А если так, то надо ли воскрешать прежнюю веру, употребительную когда-то? И надо ли при этом немедленно канонизировать последнее по счету суждение? Господь наш истинно сказал фарисеям: «Того, что было когда-то, сейчас уже нет». И это исходное положение как раз и обозначает для нас главную проблему. Действительно, вышеназванные суждения действительны лишь в течение определенного срока, и поэтому подобные суждения не могут быть окончательными. Чтобы сделать такое заключение, не обязательно обращаться лишь к злободневным проблемам – можно вспомнить и историю Церкви, ранний период ее служения Господу. Конкретно я полагаю, что если правители не вникают в подробности, то лучше оставлять все как есть. Я не утверждаю, что против данного тезиса, который гласит: «То, как это складывается в данный момент, – то и должно быть утверждено как ныне действительное», – не может быть возражений; в чем булла против монофелитов была небесспорной, это как раз в том, что она не давала возможности по-настоящему обдумать этот вопрос – как раз тот, где воля Господа нашего Иисуса неоднозначна.

И здесь можно задать вопрос людям, плохо знающим историю церковных решений, но ссылающимся на любые догмы, принятые в ее процессе: как они относятся к положению о двух ипостасях Иисуса Христа, сформулированному монофелитами? Возможно, Ваше превосходительство подразумевает здесь Второй Никейский собор, который Вы спешите объявить вселенским. Но разве он установил единство в отправлении обрядов, в частности, относительно почитания икон? Это ведь отнюдь не так – тогдашнее замирение было навязано силой, иконоборцы и почитатели икон поочередно брали верх, и в этом отношении собор во Франкфурте вышел на тот уровень, который позволяет пересмотреть решения Никейского собора, – так полагают многие духовники во Франции, Германии и Англии. Сейчас же Французская церковь отошла от страстей, присущих прошлым обсуждениям; о них вспоминают только для того, чтобы подкрепить аргументы относительно практически важного сейчас вопроса.

Тем самым я не утверждаю, что это наследие прошлых веков полностью преодолено, и не приуменьшаю препятствия, еще стоящие на пути соглашения церквей. Я прошу, месье, извинить мне вольность, присущую моему стилю, – ни в коей мере я не хотел бы отвратить Вас от их серьезного и искреннего обсуждения. И если те положения, которые высказаны Вами в последнем письме, Вы сами полагаете подходящими для заключения всеобщего соглашения, то нечего к этому добавить – они будут восприняты как одна из важных позиций. Остаюсь почитающим Вас и Вашим преданным слугой

Лейбниц

XXIII. Ответ Боссюэ на последние письма Лейбница

Между июнем и октябрём 1693. Прочитав письмо месье Лейбница от 29 марта с.г., я, чтобы не вдаваться в долгие дискуссии, сформулирую пока три положения, которые представляются мне бесспорными. Первое – относительно поклонения иконам. Ведь этот культ далеко не нов, но можно утверждать, что в своей прежней форме он уже не существует, – в той мере, в которой он понят как символ прежнего единства, он предназначен для того, чтобы

подтвердить истинность происходящего таинства. Эта традиционность лишь подчеркивает благородство веры и обстоятельства рождения Господа нашего Иисуса; это священный сосуд, в котором находится божественная субстанция, та же, что воплощена на иконе. Распространяется ли его благодать на икону, зависит от многих обстоятельств и правил отправления культа, принятых в данной церкви, но в целом эти тонкости вполне доступны достаточно продвинутым людям.

Второе – касательно заблуждений монофелитов. С позволения месье Лейбница я должен выразить свое удивление его манерой рассматривать этот вопрос с позиций высокой метафизики. В самом деле, нельзя же полагать, что человеческая душа, с одной стороны, определена благой вестью Господа нашего Иисуса, и в то же время – что она сама себя, по сути, определяет, причем не только в воле, определяющей ее суть, но данные действия, эти свойства не обнаруживают себя как таковые.

Если действие само порождает его агентов, то, согласно правилам схоластики, это означает, что они приобретают свои свойства только в конкретном осуществлении, но не обязательно в том практическом осуществлении, в котором, как правило, проявляется себя душа. Собственно, личность Иисуса и неизменность Его Слова всегда производит сходное воздействие; человеческая душа следует повелению этого Слова, и это ее стремление воплощается в том же Слове, которое утверждает самое себя. Но пытаться представить себе, что душа переживает вне этого действия, сама по себе, – абсурдно, поскольку это непознаваемо в принципе.

Поэтому представляет в принципе ясным – что сказано в Шестом постановление собора и в резюме многих других, – что актуально и одновременно проявляются *две* воли Иисуса; но противопоставлять друг другу эти воли означает только подтверждать исконную абсурдность мышлению человека, которое не пытается даже разобраться в идеях, Им руководящих; эта простая мысль позволяет понять сущность многих ересей, но более всего – учения Евтихия, чьи идеи монофелиты присвоили себе.

Собор в Бале, упоминаемый месье Лейбницем, едва ли может послужить образцом как для просветительской деятельности протестантов, так и, насколько это представляется в данный момент, поводом для обсуждения понятий, которые я здесь упомянул. По-

скольку вопрос об объединении церковей нельзя формально инициировать путем оспаривания решений Тридентского собора, очевидно, что их нельзя оспаривать и в принципе, поскольку церковь даже в видах предполагаемого объединения не может принять позицию, ставящую под сомнение ее изначальную целостность. Но при этом протестанты доброй воли, которые, подобно месье Лейбницу, не ставят ее под вопрос, могут привести свои доводы о *форме* выяснения отдельных вопросов; определенную надежду здесь внушают предложения, изложенные в тезисах аббата Молануса.

О Тридентском соборе.

Чтобы разрешить последние сомнения относительно Тридентского собора, необходимо обозначить здесь несколько положений. Во-первых, непогрешимость, которую Иисус даровал своей Церкви, распространяется на все ее предметы, имеющие к ней отношение, и это то прочное основание, которое дал нам Сын Божий, – основание надеяться, что все мы не попадем в ад.

Во-вторых, эта непогрешимость в том виде, как она дана, является не прямым декларированием истинного положения, но лишь его образом и осуществляется посредством проповеди, которое осуществляется как утверждение из уст в уши, из рук в руки святыми отцами, поскольку этот порядок установил Сам Иисус, возгласив: *приходите, внимайте учителям, креститесь – Я всегда с вами*, то есть всегда рядом с теми, кто внимает учителям и крестится, – внимает тем, которых Я дал вам для вашего обращения Своим Именем.

В-третьих, те епископы и проповедники, которые не прошли этого посвящения, не могут дать этой надежды, пока они не приобщатся к первоисточникам этого апостолического порядка, который остается неизменным во времени и пространстве, так сказать, без перерыва; поэтому высказывание: *Я пребуду с вами до скончания века*, по сути, избыточно.

В-четвертых, если епископы и вообще пастыри, которые руководствуются этим положением, отрекаются от веры тех, кого они окормляют, и тем самым отказываются осуществлять соборное благословение, то тем самым они отказываются и от вышеупомянутой надежды, поскольку они игнорируют ту преемственность, в которой осуществляется непрерывность и каждодневное восстановление христианской доктрины. Это не прибавляет авторитета

любому священнику, заботящемуся о своей репутации, поскольку не свидетельствует о его благих намерениях и ничего не говорит о его истинных чувствах, ведь если он не может подтвердить положительные качества даже своего характера и сокрыть собственные колебания, он не может сохранять авторитет, необходимый для окормления, так, чтобы он был постоянным и надежным.

В-пятых, епископы и прелаты воплощают эту надежду и осуществляют обряды в евхаристическом единстве там, где их проповедь единосущности независимо от местных условий и где признают Церковь, поскольку ее правота воплощена в правильной организации, отработанной в веках. И в первом, и во втором случае ее авторитет сохраняется: в первом случае тело Христово хотя и рассеяно, но объединяется Св. Духом, во втором – непогрешимость определяется единством собора, каждый из участников которого причастен к Нему и, подобно святым отцам, может сказать: *Он с нами*.

Наконец, в-шестых, необходимо заметить, что это собрание наиболее представительное для католической церкви, поскольку на нем представлены епископы от всех обществ, обладающие достаточными полномочиями одобрять все решения; это, так сказать, фокусирует его авторитет и определяет безошибочность его постановлений, иначе и не может быть, поскольку, если уж такое представительное собрание может ошибаться в вопросах определения веры, то самое тело Церкви, которое как раз и создано для того, чтобы верно представлять учение Христа, может ошибаться, а это противоречит первым пяти положениям, здесь выдвинутым, и в особенности потому.

Эти шесть принципов являются основными, и это как раз то что не дает возможности надеяться собрать союз на ином основании, неравнозначном нами созданному, который обладал бы этим свойством непогрешимости, без которой бессмысленно говорить об объединении христианских церквей.

Поэтому эти шесть положений необходимо связаны между собой уже тем способом, которым они обнародованы; это не что иное, как существо доктрины, воплощенное и закрепленное в символе: *Верую в Иисуса Христа*, что означает не только: *Я верую в него*, но и: *Я знаю, что Он верит в меня*, поскольку, с другой стороны, невозможно доверять себе, не веруя в Него, в силу того,

что его субстанцией является вера, объясняющая весь мир; способ, путем которого проповедуется правота церкви, и определяет ее истинность, а искажение в любом данном моменте искажает и все последующее устройство. Можно, конечно, утверждать, что содержание веры не сводится в шести принципам, перечисленным выше, которые мы не можем отделить от Евангелия, поскольку в них заключена основа нашей надежды, обязательная для всех, кто относит себя к христианам.

Вышеизложенное должно устранить все сомнения также и относительно Тридентского собора, в том числе и относительно его концепции вероучения; она остается в том же виде, что была объявлена и провозглашена: (1) что все нити, связующие воедино тело Церкви, сосредотачиваются в Риме; (2) католиком может быть только тот, кто не ставит под сомнение авторитет Никейского собора. Эта позиция выражена во всех книгах католиков, обосновывающих их вероучение, и в том числе в решениях Тридентского собора относительно символа веры, о которых утверждают, что они остались нерешенными. На это легко возразить, что некоторые моменты церковного порядка вообще не могут быть установлены окончательно. Действительно, рациональные основания этих установлений, определяющих внутреннее устройство Церкви, не вечны, но основы ее вероучения от этого не меняются.

В этой связи я хочу, чтобы мне показали хотя бы одного епископа-католика, который заявил бы: «Я не признаю решений Тридентского собора» или «Я сомневаюсь в некоторых из них». Такого нет нигде, они признаются неоспоримыми как в Германии и во Франции, так и в Италии и в самом Риме, никто не оспаривает символ веры, провозглашенный собором, полагая его несомненным.

Но в таком случае все остальные трактовки содержания собора, которые можно себе вообразить, уже не столь необходимы: если пытаться собрать совещание, чтобы высказаться по поводу решений собора, то необходимо формулировать новый принцип веры, сравнивать одно определение с другим – только так можно придти к чему-то завершенному. И все равно позиция, на которой можно будет остановиться, – это чистая формальность, которая остается лишенной содержания, если не находится каждый момент в живом пространстве Церкви, поскольку именно таким образом обосновывается целостность ее субстанции.

Отсюда видно, что не так уж важно, сколько символов веры провозглашено на соборе: один, два или больше, поскольку протест или апелляция – еще не провозглашение веры, и он бесследно проходит, когда открывается более значимая последовательность, и это уже не формальная, а живая надежда на Иисуса, в которой заключена единственная связь, объединяющая всех.

Утверждается, что необходимо сформулировать доктрину собора, не прибегая к анафеме, но это иллюзия; этот прием – лишь способ формулировать свою доктрину так или иначе. Таким образом, если на соборе высказывается определенная доктрина, то и анафема как ее составная часть попадает в его постановление.

Можно, конечно, констатировать неуместность объявления анафемы. Ведь нельзя полагать, что только к этому и стремились, высказывая на соборе пять или шесть базовых позиций и полагая все остальные производными, утверждая, что они не должны выступать и обсуждаться как самодостаточные. И для того, чтобы подкрепить веру в эти принципы, не было необходимости еще раз обнаруживать между ними логическую связь.

В этой связи можно остановиться на одном из примеров, приводимых автором из сочинения аббата Пиро: он касается способа Крещения, производимого Иисусом в отличие от такового, совершенного Иоанном Крестителем. Это положение не столь важно, чтобы заслуживать анафемы. И если она все же провозглашается, то тем самым лишь вспоминается формальное несходство двух этих способов, которое позже отмечали Иисус и Его апостолы.

Это лишь один из примеров, но можно легко установить, что способ провозглашения анафемы на соборе определялся пятью или шестью принципиальными положениями, и задачей Церкви было определить принципиальную уместность его применения к каждому отдельному случаю; далее уже строилась ее доктрина, которая определяла, что способствует, а что мешает осуществлению этих положений, – иначе она не могла бы претендовать на безусловную верность своих постановлений. Так, например, Церковь определенно утверждает, что у Иисуса двойная природа, и далее говорит, что Он обладает человеческой душой и также телом; далее утверждается, что поэтому Он приобретает способность мыслить и действовать как человек, и то, что произошло, закрепляется в доктрине: *Бог стал человеком*. Таким же образом формулируется и большинство других решений, и если привлечь

более развернутую их последовательность, то выяснится, что осуждению подверглось многое из поднятых на нем, и для того, чтобы не воскрешать на пустом месте ереси, они выявляются позже как отдельные угасающие искры, чтобы быть в конечном счете отвергнутыми.

Чтобы далее не вдаваться в это обсуждение, достаточно сказать, что если любое церковное постановление, основанное на вере, подвергается малейшему сомнению, то нарушается длинная цепочка символов, дающая надежду на спасение, и потому она должна быть тотчас же пересмотрена и воссоздана заново.

Это отнюдь не означает, что протестанты по определению не имеют точек соприкосновения с решениями данного собора; напротив, если они его отвергают, у их пасторов нет единой позиции на этот счет, подобной позиции католиков, даже в Англии и Швеции. Согласно четвертому пункту, если епископы, выбранные законно, отказываются разделять веру своих прихожан, тех, кого они сами посвятили – что часто происходит в Англии, Дании и Швеции, – то они тем самым нарушают субстанциальное единство Церкви, и их непосредственное суждение поэтому не имеет в данном случае никакого значения. Более правильно здесь было бы предусмотреть это, согласно третьему пункту, не производя нового посвящения священников.

Наконец, нет смысла вдаваться в фактические обстоятельства, приведенные в по-своему ученой и занимательной, но малозначимой применительно к основным позициям книге аббата Пиро. Эти соображения могли бы представить ценность для собственной хроники Тридентского собора, однако они не затрагивают сути его авторитетности; поэтому были они политически эффективны или нет – как раз это ведь и определяется, и уже зафиксировано в совокупной вере, исповедуемой всеми католиками, которая не может и должна противоречить этим решениям и поэтому не нуждается в том, чтобы еще и еще раз вопрошать об этом, как самое себя, так и других. Возможно, это настолько очевидно для всех, что отдельные деятели не считают нужным обнародовать свою личную позицию на этот счет. Ведь, бесспорно, Тридентский собор – последний из всемирных и поэтому обладает всеми представительскими правами, упомянутыми в шестом положении; поэтому его решения определяются исходя из истинности предыдущих пяти, которые в свою очередь обобщают различные позиции.

Если на это возразить, что отдельные решения, не одобренные некоторыми участниками, не обязательны для них, то тем хуже для них самих, потому что в этом акте просто был подтвержден прежний символ веры и не ничего не было сказано против оппонентов, и это было в целом верным решением. Наконец, нельзя более ставить под вопрос, состоялся собор или нет. Символ веры был еще раз провозглашен на этом соборе; папа провозгласил его; все епископы скрепили его своей подписью, следовательно, он имеет силу священного утверждения. Здесь не было ни сюрпризов, ни принуждения; весь мир торжественно признал законность этих подписей – именно этим и определяется слава Тридентского собора: он объединил все корпорации епископов, представляющие всю католическую церковь. Можно обсуждать конкретные решения собора, но только с позиций общей непогрешимости Церкви, равнозначной нашим христианским убеждениям.

И не только Тридентский собор, но и все акты, подтвержденные таким образом, имеют абсолютную силу. Когда пелагианцы были осуждены папой св. Зосимой, все без исключения епископы подтвердили этот декрет, некоторые еретики подали иск, что подписи были вынуждены силой: *отдельные епископы подписали это под давлением*; но эти жалобы не были приняты во внимание. Св. Августин подтвердил, что они были осуждены законно и безусловно (св. Августин, кн. IV, *Против двух посланий пелагианцев*, т. 10, кол. 492). И если акты, осуждающие пелагианцев, были одобрены именно Эфесским собором, то это было случайностью: собор собрался по другому поводу. И собор в Оранже, на который ссылается мой оппонент, в той мере, в которой он высказал свое мнение по поводу этого запроса, также может считаться всеобщим. Были подтверждены те главы, которые папа ранее провозгласил, едва только их признали двенадцать или тринадцать епископов, присутствовавших на соборе. Но, поскольку решение было принято без дискуссии, то по сути, было просто подтверждено прежнее решение Никейского собора, принятое ранее. Мой оппонент подтвердил его истинность, которая потребовалась для всеобщего одобрения. *Число решений ничего не меняет*, провозгласил он, *коль скоро данное решение признается всеми*. Епископов с Запада на Никейском соборе было мало; их не было вовсе на Константинопольском соборе, и лишь один посланец папы был на

Эфесском и на Халкедонском, и так еще на многих. Но поскольку все пришли к согласию, их решения полагались для всех обязательными. И, если уже обращаться к более классическим примерам, Павел Самосатский был осужден не собственно решением Антиохийского собора как таковым, но тем, что это решение было адресовано епископам всего мира, и именно в этом была его сила (в том, что она была поддержана всеми безоговорочно), и поэтому это решение неоспоримо. А какое собрание, собственно, проголосовало за то решение? – Ни одно. Оно было принято «по умолчанию». Александр из Александрии под аплодисменты всего собора провозгласил, что Павел Самосатский осужден всеми епископами мира, и это не было зафиксировано в отдельном постановлении и тем не менее стало действительно безоговорочным, действительным и во веки вечные.

Я уже не говорю о том, что никому не приходило в голову собирать новый собор только для того, чтобы подтвердить уже принятые решения. Я думаю, достаточно дать отдельные пояснения основных статей, чтобы уже исключить всякие возможные возражения. Но даже в этом нет необходимости, поскольку они были скреплены подписью всех участников собора, хотя и не были опубликованы. То, что наиболее важно в Символе веры, подписано Генрихом Великим (IV) в Сен-Дени и сформулировано уже Тридентским собором. И зачем скрывать свое имя, если не стремиться сознательно к новым распрям наветам? Действительно, я не знаю точно, поскольку историки умалчивают об этом, были ли совершены упомянутые новые акты, дополняющие этот основной документ, но выяснять это необязательно. В какой бы форме этот документ ни был подписан, он является действительным как символ веры, одобренный Римом, и потому действительный также и во Франции, поскольку ранее никто не ставил этого под сомнение. Символ веры не нуждается в злободневном подтверждении. Либо Церковь согласна с ним, либо нет, и если первое, то это решение обязательно для всех.

Упоминалось также о соборах в Бале и Констанце, где нации выступали с изъяснением своих особых мнений; ни одна из наций не должна преобладать – необходимо равновесие; это верно, но также неважно для нашего рассуждения. На Эфесском соборе присутствовали две сотни епископов с Востока и лишь два или три с Запада; на Халкедонском – шестьсот против двух или трех. Гово-

рили ли тогда о засилии греков? Так же, если итальянцев в Триденте было большинство, это не значит, что они подавляли остальных, просто их объединяла вера. Так, отправление мессы у итальянцев не отличается от нас; они не основывают ни новый культ, ни отдельные священные предметы и не строят храмы иначе, чем мы. И те деятели Церкви, которые последовательно выступали против любых новшеств в отпавлении культа и в обрядах, – не итальянцы, французы или немцы – они католики. То же большинство, которое утвердило решение Тридентского собора, составляло большинство и на соборе в Констанце, которое отстаивало равные права для различных наций. Как раз на основе этой единой позиции и возможно лучшее взаимопонимание. И поскольку оно было единогласным и отвечало правильно понятому символу веры, то есть надежда, что сегодня это будет так же, как вчера, и так будет всегда.

Тридентский собор, утверждает мой оппонент, мешает объединению церквей, поскольку его решения многозначны. Напротив, утверждаю я, возобновление требование приостановить реализацию его решений является единственным препятствием для этого. Насколько я могу судить из документов, его решения одобрены католической церковью в целом, это несомненно. Но при этом Вы утверждаете – скажете Вы – что католическая церковь вполне едина. Да, мы это утверждаем и доказываем, но мы также вправе ожидать, чтобы те, кто желает с нами объединиться, не требовали от нас отказа от наших принципов. Но, говорят нам, если придерживаться этих принципов, тогда абсурдно требовать объединения, не установив перед этим единства в принципах; без этого окончательное объединение невозможно. Если эти принципы надежны, то вероятность ошибки мала. Первый принцип: что Церковь не может ошибаться и не ошибается и тогда, когда идет по пути реформ; с другой стороны, главное – не реформа сама по себе, но установление критерия новизны, а именно, тот новый способ определения понятий, который наши оппоненты сочли подходящим для аргументации своей позиции, определяющий в том числе и то, что может и чего не может церковь. Она должна сделать все, чтобы не сойти на нет и не потерять пути к надежде, и она должна стремиться избегать ошибок. Противоречие моего оппонента состоит в том, что он, с одной стороны, призывает нас найти критерий безошибочности суждения и в то же время в принципе отрицает непогрешимость Церкви.

В определенном смысле понятно, что, говоря об этой непогрешимости, ставят под вопрос ее определение данным собором, хотя бы и вселенским, но такая позиция по сути означает приписывание возможной в принципе ошибки всей Церкви в целом лишь для того, чтобы ради обсуждения самой этой возможности созвать новый собор.

Из вышеизложенного ясно, что основанием для созыва нового собора не может быть одно лишь сомнение в обоснованности решений предыдущего – здесь необходимо более внимательно рассмотреть основания, которые протестанты приводят в подтверждение своих сомнений, включая апелляции и к решениям предыдущих соборов, и к тому, как они выглядели и что они значили в прежние времена, чем они сами часто пользуются.

Что же касается нас, католиков, то мы усматриваем два способа отношения к Символу веры, принятому в Триденте: первый состоит в том, чтобы при отдельных несогласиях не отвергать общую регламентацию, принятую на соборе; так, например, янсенисты указали, что положения, принятые на сессии VI, в главе XI, статье VIII, противоречат их доктрине, но одобрили общий распорядок собора. Более же последовательным способом одобрения было совокупное подтверждение решений собора его участниками. Таким образом, был принят Символ веры, провозглашенный Пием IV, и это его ознаменование заключает в себе всю работу собора в целом, и воплощено в двух смыслах: (1) не настаивать ни на чем – либо, поскольку свидетелями являются все; (2) но при этом собор единодушно отверг ложные учения и признал Символ веры и невозможность держать его в неопределенности ни во Франции, ни где-либо еще: это акт прямого действия, и его формулировка обычна для всех актов прямого действия.

Очень часто вспоминают – и я в том числе – что просвещенным людям не подобает доверять расхожему мнению, которое зачастую отягощено предрассудками. Но это не может помешать объединению, поскольку даже весь мир, объединившись, не сможет в итоге воспрепятствовать этому в силу общезначимости способов причащения. Но в любом случае для того, чтобы преодолеть все эти неясности и предрассудки, приостановить решения Тридентского собора не удастся, поскольку, во-первых, они воплощают в себе

истинный порядок отправления культа, никак не отягощенный предрассудками, и, во-вторых, они единогласно одобрены всеми епископами мира как руководство к действию.

Если же рассуждать относительно внутреннего распорядка церкви, то не надо постоянно возвращаться к тем бесспорным основаниям, которые были лишь подтверждены данным собором, и стремиться в связи с текущей ситуацией найти новые поправки к нему, которые могли бы подтвердить его священную значимость.

Перевод и предисловие *В. С. Лаврентьева*

Примечания

- ¹ *Bossuet J. B. Histoire des variations des eglises protestantes. Vol. 2. P., 1845. P. 367–598.* В недавно вышедшей книге (*Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб., 2008*) имеется глава о данной попытке воссоединения Церквей.
- ² См.: *Гегель Г.В.Ф. Христианство и Реформация // Мартин Лютер. 95 тезисов. СПб., 2002. С. 320.*
- ³ См.: *Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997. С. 9.*
- ⁴ *Preclin E., Jarore E. Les luttes politique et doctrinaires en France aux XVII et XVIII siecle. Paris, 1955. P. 186–189.*
- ⁵ Здесь Лейбниц как раз ошибается: это надгробное слово было произнесено Боссюэ (примеч. издательства).
- ⁶ Латинский оригинал этой доверенности утерян. Нам остается только поместить его французский перевод в конце тома (примеч. издателя).
- ⁷ Эти статьи находились в сборнике без заглавия «Правила...», которые Боссюэ перевел на французский язык.
- ⁸ Это сочинение, о котором уже говорилось, называется «Правила» (примеч. редактора).
- ⁹ Этот набросок под заголовком «Сугубо личное мнение» написан Моланусом.
- ¹⁰ «Представление доктрины католической церкви».
- ¹¹ *Usque ad aras* (лат.) (прим. переводчика)
- ¹² *in voto* (лат.).
- ¹³ Это был епископ, принадлежавший к партии Луи Дебоннера, выступавшей по поводу намерения папы Григория IV исключить из обсуждения возражения короля Лотаря (примеч. издателя).
- ¹⁴ Это римское изречение примерно соответствует русскому: «Применяя силу власти, старайся избегать ошибок».
- ¹⁵ См. письмо III, адресованное мадам Бриньон.
- ¹⁶ Подтверждения, что об этой «Истории» упоминается в письмах Лейбница к Боссюэ, не найдено. (Примеч. издателя).
- ¹⁷ Мы не смогли найти это письмо, на которое отвечает Лейбниц (примеч. издателя).
- ¹⁸ Имеется в виду работа Фонтенеля (прим. издателя.).